

В полдень солнце светило из люка над каменным домом, испуская разноцветный свет на ледяную платформу.

Человеческое тело на ледяном столе стало красным, источая запах паленого, ледяной стол под ним не мог сопротивляться скорости таяния в течение получаса, а тканевая лента над его глазами также превратилась в пепел. Два выжженных глаза вылезли наружу.

"Пора... пора...", - произнес одно слово, и выпустив изо рта струйку черного дыма, спросил Лу Яо.

"Да", - Би Бай'ан слегка коснулся его тела, посмотрел на голову, которая все время была обращена в сторону каменного дома, где находилась женщина, и сказал: "Ты хорошо поработал".

Черно-красные губы слегка выгнулись, и Лу Яо сказала слабым, но четким голосом: "Дан... к... Е По...".

Брови Би Баяна слегка приподнялись. При таких обстоятельствах он все еще мог переплавить оставшуюся пилюлю Огненного Линя и свою собственную внутреннюю силу в пилюлю? Такой человек действительно редко встречается в мире.

Посмотрев на двух подростков, стоящих сбоку, Би Байань перевел взгляд на Е По. Хотя они сражались друг против друга только вчера, привычки внутренней силы, которые изучил этот подросток, должны быть совместимы с огненной липой На Дань. Естественно, это хорошо, но в данном случае этот юноша обменял собственную жизнь на что-то, у него и мысли не было, что злодей пойдет на это, поэтому он усмехнулся и сказал: "Хорошо!".

Тонкое, как крыло цикады, лезвие прорезало тело от груди до нижней части живота ледяным воздухом, изнутри вырвался обжигающий жар, заставив Би Бай'аня увернуться, даже не заметив этого, а затем оттянул рану. Я увидел в ней два места, которые были ярко-красными и полупрозрачными, кристально чистыми, переплетаясь с налитыми кровью глазами, делая сердце и печень такими же красивыми, как верхний красный кристалл.

Кроме этих двух мест, остальные внутренности были обожжены, и кровь не вытекала. Би Байань вздохнул и быстро снял сердце и печень, затем взглянул на Лу Яо, который все еще улыбался уголками губ.

Он открыл свой дантянь, достал из него красную и *** бусину дань, а затем быстро отступил назад.

В одно мгновение в теле разгорелся большой огонь, полностью растопив ледяную платформу под ним, оставив на каменной платформе лишь кучку пепла.

Еда во входе была нарезана тонкими ломтиками, как будто только что из кастрюли, она была горячеей, но не раскаленной, вход растаял, а затем превратился в теплый ток от горла до дантяня, заставив тело сразу же согреться, и колебаться. Через некоторое время Линь Цинъюй спросил, "Старший, что это?".

Рука Е Шиси замерла, глядя на тонко нарезанные половину сердца и половину печени в тарелке, кристально чистое сердце, которое было слишком красиво, чтобы излучать слабый красный свет на солнце, не мог не вспомнить то время, когда Би Байань тихо вздохнул. Ты действительно так сильно любишь этого человека, что можешь рафинировать такое чистое сердце Огненной Линь...

Лу Яо любит ее. Е Шиши - самый ясный. Если одиннадцать лет назад он был молод, то за прошедшие четыре года его взгляд на Лу Яо постепенно изменился. Сначала были боль и сожаление, но потом только любовь. Что бы она ни хотела от него, Лу Яо сделает это, не говоря ни слова. Даже если она путешествует с Чжу Вэем, не будет никаких претензий. Даже если она совсем не любит тебя, она даже не думает о тебе и не жалуется. Сожалею, брат Лу...

"Старший?" Видя, что собеседник долго не отвечает, Лин Циньюй снова позвал его. С тех пор как три дня назад ушел сильный мужчина, она, казалось, почти все время спала. Только когда она проголодалась, ее поймал этот старший по имени Би Байань. Просыпался без лишних слов, обычно вкладывал ей в руку снежный лотос и уходил, а потом ждал, пока она закончит есть и пить, и снова засыпал. Сегодня это не снежный лотос, и другая сторона ничего не сказала, поэтому я спросил. К нему?

"Хозяин", - вырвалось у Е одиннадцатого, его горло, казалось, было перекрыто. Е По взял тарелку в руки и прошептал: "Хозяин, это мы".

" Он сказал, кусочек сердца был положен ей в рот.

"По'ер? Одиннадцать?" удивленно сказал Линь Циньюй и вытянул руки. Он коснулся сначала лица Е По, а затем лица Е Ши, и радостно сказал: "Это действительно По'эр и Одиннадцать. "

"Господин, сначала поешьте что-нибудь". Увидев ее непринужденную улыбку, приличное, но ржавое выражение, которое висело на ее лице, полностью сменилось радостью, и глаза Е По бессознательно покраснели, а затем он взял сердце и положил его ей в рот. "Старший нашел это специально для тебя. Ты должна съесть его, пока оно горячее".

Линь Циньюй ответил и взял кусочек за кусочком. Тепло в его теле становилось все больше и больше. Казалось, он чувствовал радость от змеиной пилюли, и боль в глазах тоже значительно уменьшилась.

Съев половину сердца и половину печени, Линь Циньюй икнул и сказал: "По'эр, помоги мне встать, я пойду и поблагодарю старшего Би".

"Не волнуйся, у старшего Би сейчас много дел, хозяин, я помогу тебе растворить лекарство". Как он сказал, Е По уже был на каменной кровати, сидел позади Линь Циньюй, положив ладони на ее спину, и с помощью внутренней силы медленно помогал ей направлять тепло в теле.

Е Ши вышел из каменного дома и посмотрел на шпагу, прислоненную снаружи каменного дома. Он чувствовал боль и невыносимость. В этом мире его последний контакт с семьей Нин был полностью разорван, и его рука коснулась левой груди. Я тоже заглянул в комнату, сестра, одиннадцать - это только ты...

У огненного озера пот на голове Би Бай'аня капал один за другим, наблюдая за Хуа Цзинь'эр, которая с момента пробуждения изящно сидела на Шияне, положив подбородок на подбородок, посмотрела на него в оцепенении и осторожно спросила: "Цзинь'эр, ты все еще знаешь меня?".

Хуа Цзиньэр оглядел его с ног до головы и с презрением в глазах произнес: "Би Байань?"

Ее тон был действительно плохим, Би Байань подняла свое сердце и позвала: "Цзинь'эр..."

"Ха!

"Хуа Цзиньэр подняла угол юбки, встала, огляделась и пошла к каменному дому у снежной стены.

Увидев молодого человека, стоящего у двери, Хуа Цзиньэр остановилась и с восхищением оглядела Е Шиси с ног до головы, а затем вошла в каменный дом с его стороны, когда Би Байань уставился на Е Шиси убийственными глазами.

Взглянув на молодого человека, который только что получил свою работу, Хуа Цзинер села на каменную кровать, оглядела Линь Цинъю с отвращением и сказала: "Твои глаза становятся все хуже и хуже. хочешь?"

"Нет, не..." Не успела Би Байань закончить слова, как Хуа Цзиньэр щелкнула по главному поясу Линь Цинъю и презрительно сказала: "Я тоже все еще слепая, если я не слепая, как он может искать тебя?".

"Эта женщина," она должна быть застрелена, если она ничего не скажет! Лин Цинъю открыл рот и сказал: "Я просто пришел за медицинской помощью".

"Обратиться к врачу?" Хуа Цзиньэр усмехнулся и, подняв уголок глаза, сказал: "Когда же он вылечит людей в Би Байане?"

"Цзиньэр, она действительно лечит здесь свои глаза, клянусь Богом, я не имею к ней никакого отношения!" Би Байань встал у двери и сказал.

Хуа Цзиньэр взяла руку Линь Цинъю, чтобы прощупать ее пульс, затем осторожно приподняла край ее глазной повязки, надавила вокруг глазницы и сказала: "Правильно, Би Байань, теперь ты можешь даже менять глаза. Вставай".

Линь Цинъю был ошеломлен и поменял глаза? Разве это не снежная слепота?

"Старший, старший Би был здесь в течение пятнадцати лет, чтобы лечить яд на вашем теле". сказал Е 11.

"О?" Хуа Цзинер отпустил руку Линь Цинъю, повернулся, чтобы посмотреть на Би Бай'аня, и сказал: "Пятнадцать лет? Пятнадцать лет прошло?" Затем он снова посмотрел на него с отвращением и сказал: "Неудивительно, что Лао Чэн такой".

"Цзинь'эр, ты только что прошел детоксикацию, позволь мне помочь тебе очистить вены?" Би Бай'ан взглянул на Е 11 и подошел к каменной кровати с улыбкой на лице.

Хуа Цзинер проигнорировал его и повернулся, чтобы спросить Е Шии: "Та уродливая женщина по имени Мяо Цинмэн умерла?".

Лицо Е Шии вдруг стало холодным, и он сказал: "Нет, но если старший Би скажет младшему поколению, где она, младшее поколение убьет ее!".

Би Бай'ан фыркнул и сказал: "Ты собираешься убить ее? Пойдешь и умрешь?"

"Ты не хочешь умирать?" Хуа Цзиньэр посмотрела на Би Баяна со странной улыбкой, а затем сказала: "Молодой человек, я пойду с вами!"

"Нет! Цзинь'эр, если бы не ее двухмесячное противоядие, я бы уже давно убил ее. Не волнуйся, ты только что проснулся, твои вены и кровь нестабильны. Подожди несколько дней, нет-нет,

завтра, завтра мы поедем, хорошо?"

Увидев встревоженный взгляд Би Бай'аня, Хуа Цзинер снова посмотрел на Линь Цинъю и спросил: "Какие у тебя отношения с Красным Особняком?".

А? Линь Цинъю задумалась на мгновение и ответила: "Ну, если говорить об отношениях, то нельзя сказать "нет". Янь Сань - мой муж". После распада Красного Особняка, Янь Ци собрал его, и теперь он находится под контролем Ин Шисань, но какие отношения? Красный особняк пятнадцать лет назад действительно не имел значения.

"Янь Сань?" Хуа Цзиньэр улыбнулась бровями и глазами, и сказала: "Янь Сань действительно женится на жене? Или это как ты? Ты меня уговариваешь!"

"Старший знает Янь Саня?" Хотя тон в ее словах был действительно неприятным, Линь Цинъю спросил с радостью. Янь Сань пятнадцать лет назад, в то время Янь Сань было всего четырнадцать лет?

"Почему бы мне не узнать самого упрямого и извращенного ребенка в группе Яньцзы?" Хуа Цзиньэр посмотрела на выражение своего лица, внезапно отпустила небольшую улыбку и сказала: "Янь Саньчжэнь женился на тебе? А как насчет других? Он пришел сказать мне об этом лично? Это невероятно!"

Лицо Линь Цинъюя внезапно потемнело, и прошло некоторое время, прежде чем он произнес: "Он умер..."

"Умер?" Хуа Цзиньэр дважды рассмеялась и сказала: "Это действительно удача для его характера - дожить до женитьбы на жене". После сказанного, все улыбки на его лице исчезли, на нем появилось легкое оцепенение: "Прошло пятнадцать лет. В то время группа Яньцзы только что покинула таможню..."

"Цзинь'эр, я все еще здесь! Давай сначала пойдем и стабилизируем вены, хорошо?" Не дожидаясь, пока Хуа Цзиньэр возразит на этот раз, Би Бай'ан прямо подхватил ее на руки и пошел к другому, самому большому, не позволяя другим приблизиться. Каменному дому.

"Я помню, что брат Тринадцатый говорил, что хозяин Красной Палаты носил фамилию Хуа". Слабый голос Е По разбудил притихшего Линь Цинъюя. Он повернул голову в ту сторону, откуда они ушли, и сказал: "Давайте как можно скорее спустимся с горы."

"Мастер..." Е Шии и Е По бессознательно позвали одновременно.

"Это не имеет значения. В последние несколько дней старший только кормил меня снежным лотосом, и другого лечения не было. Раз уж ты здесь, давай спустимся с горы как можно скорее, боюсь, что они тоже волнуются". Линь Цинъю покачал головой.

Е По и Е Шии посмотрели друг на друга, они вышли из каменного дома, и Е По сказал низким голосом: "Может, сначала отправим мастера в Ганьчжоу?". Е Шиси кивнул и сказал: "Хорошо, скажи гениальному доктору, чтобы приезжал быстрее. Боюсь, так будет безопаснее". Би Бай'ан изначально странная личность, а в сочетании с еще более странным Хуаджинером, кто знает, что будет дальше.

Е Шии поднял плотно укутанную Линь Цинъю на спину. Е По поднял шпагу и понес за спиной глиняный горшок с прахом Лу Яо. Они подошли к большому дому и сказали: "Старший, пойдем

первым. Спускайся с горы".

Внутри некоторое время было тихо, и тут раздался голос Би Байаня: "Пойдемте, пойдемте, возьмите побольше снежного лотоса снаружи, в благодарность за подарок тому юноше".

Когда небо потемнело, пошел снег, подул ветер, Е По нашел подветренную гору, вырыл ледяную пещеру, и они втроем протиснулись внутрь.

Услышав рев ветра снаружи и ощутив знакомое прикосновение большого плаща к своему телу, Линь Цинъюй нерешительно спросил: "По, когда ты пришел, там был мужчина лет двадцати, высокий, эм, длинный. Разве он не должен быть хорошим?"

Е Одиннадцатый, положивший свой плащ на землю, был поражен. Е По уже ответил: "Нет, мы никого не видели по дороге".

"Правда?" Линь Цинъюй тихо вздохнул и сказал: "Этот человек спас меня от Мяо Цинмэна. В то время он должен был быть ранен, но три дня назад он сказал, что спустился с горы заранее, и не сказал, кто это был. Я даже не знаю, кому звонить, чтобы вернуть долг."

Е По достал цветок снежного лотоса, посмотрел на Е Ши, глаза которого были красными, и сказал: "Герои совершают добрые дела, не оставляя имени, и они, естественно, увидят тебя снова в будущем."

Герои? Линь Цинъюй держала на губах лепестки снежного лотоса у кусочка Е По, вспоминая, что они вдвоем дважды переворачивались на простыне. Хотя для нее это было равносильно приему лекарств, но для мужчины разве это имеет значение? Разве это дешевле? Просто я не могу понять, как бы ты об этом ни думал. У него есть травмы на теле, и если послушать, что сказал Би Байань, то травмы не легкие, он слепой, и внешность у него действительно не красивая. Кто-то будет **** до такой степени. ?

Е По перенес часть шпаги и положил ее у входа в пещеру вместе с собственным мечом. Если бы мне предстояло сделать такой же выбор, как Лу Яо, я бы предпочел быть забытым, чем грустить.

Забудь, не хочу. Если ему что-то понадобится, он сам придет ко мне. Линь Цинъюй коснулся повязки для глаз, и его глаза снова заболели, когда он о чем-то задумался. Я вспомнил предыдущие три дня, хотя глаза были невидимыми, они не болели. Так больно, - слова Хуа Цзинь'эр снова промелькнули в его сознании, - поменять глаза?

"Мастер, отдыхайте пораньше". Е Шиси вытер уголки глаз и лег на внутреннюю сторону, прижавшись спиной к ледяной стене, предоставив Линь Цинъюю спать между ними.

Под теплыми телами двух молодых людей Линь Цинъю спал очень сладко этой ночью, и даже шум ветра и снега за пределами пещеры казался колыбельной.

На второй день метель прекратилась, но не было никаких дорог, включая следы их восхождения. Е Одиннадцать и Е По выбрали самый быстрый путь и спустились прямо с горы.

Опираясь на спину Е Одиннадцатого, в его ушах свистел ветер, тело резко падало, а ощущение невесомости заставило Линь Цинъюя удивленно вскрикнуть.

"Не бойтесь, учитель, ничего страшного не случится". Е Шиши повернул голову и улыбнулся.

Линь Цинъюй бессознательно слегка обнял себя за шею, чувствуя, что опирается на скалы и камни, а затем устремился прямо вниз. Хотя его импульс был очень сильным, он чувствовал себя комфортно. Вспомнив слова Янь Ци, он понял, что нынешнее боевое искусство Е Одиннадцатого уже способно. Он вошел в десятку лучших, а его движения все больше и больше напоминают Янь Саня, этот парень действительно вырос...

Увидев, что позади нет ни звука, Е Шиши притормозил и спросил, "Учитель, вам неудобно?".

"Ничего", - Линь Цинъюй мягко улыбнулся и сказал: "Возвращайся пораньше, верно, Шисаньхэ Ифэй в порядке?"

"Ничего серьезного, Е Фэй немного серьезно пострадала". ответил Е По рядом с ним. На самом деле, он не видел ни Ин Тринадцатого, ни Е По. На обратном пути он увидел Е Фэя, который пришел сообщить ему о случившемся. Гань Чжоу позвонил на гору, на которую поднялся Е Шиши, и знал, что эти двое ранены, но у него не было времени спросить о травме.

После долгого такого полета на вертолете уже виднелись голые леса, а после того, как вершины горы окончательно опустились, двое из них не почувствовали облегчения и смогли наконец найти дорогу.

"Одиннадцать братьев!" - позвал человек, сидящий на корточках в лесу, испуганно наблюдая, как двое спускаются с неба.

"Е Линь?" Е По тоже закричал, затем повернулся, чтобы посмотреть на группу людей в черном, которые уже вытащили половину своих мечей из ошеломленных лиц.

"Мастер!" Позади человека в черном прошла фигура, рука повисла на его шее, бледная и удивленная, и бросилась к Е Шию.

Увидев полосу глаз на лице Линь Цинъюя, его шаги внезапно прекратились. Голос дрожащим голосом позвал: "Учитель?"

"Тринадцать?" Линь Цинъюй удивленно воскликнул, затем протянул руку и наклонился.

"Твои глаза?" спросила Ин Шисань, держа руку, глядя прямо на ободок глаза.

"Ничего, просто два месяца тренировок". Видя, что он не протянул руку и не обнял его, Линь Цинъюй обеспокоенно спросила: "Тринадцатый, где ты поранился?" Мяо Цинмэн и Е Фэйин 13 Бой был почти мгновенным. Мяо Цинмэн снова заблокировал ее, и она не могла видеть ситуацию в тот момент.

"Я в порядке, но руки теперь неудобные". сказала Ин Шисань, глядя на Е По. Увидев, что Е По использует свой рот, чтобы сказать три слова, он дал знак Е Си опустить Линь Цинъюй, а затем отпустил его. Она села на культю плаща Е Лея.

Нащупав и коснувшись руки Ин Шисань, а затем, следуя за повязкой на этой руке, коснулась доски на лопатке, выражение лица Линь Цинъюй было бессознательно пьяным, а Ин Шисань взяла ее за руку и сказала: "Действительно, все в порядке, но кость треснула, и гениальный доктор уже позаботился об этом. Мы приехали сюда в спешке, а она приедет позже".

"Фэй?"

"Травмы Е Фэя более серьезные, но угрозы жизни нет. Я оставил его в Дайсяне, не волнуйся".

Лин Цинъюй сделал долгий вдох, а затем почувствовал аромат, бессознательно принюхиваясь.

Они готовят обед, зная, что после этого на нем не будет ни травинки, и они готовы идти в гору после последней трапезы.

Линь Цинъюй не ела всерьез уже более десяти дней, и, почувствовав запах, не выдержала. Ин Тринадцатая просто сняла с руки пращу и села у костра, обхватив себя руками, подложив под тело несколько больших плащей. Благодаря горящему костру, а затем резвящимся детям, Линь Цинъюй наконец успокоился. Ситуация на тот момент.

"Я в порядке, но руки теперь неудобные". сказал Ин Шисань, глядя на Е По. Увидев, что Е По использует свой рот, чтобы сказать три слова, он дал знак Е Си опустить Лин Цинъюй, а затем отпустил его. Она села на культю плаща Е Лея.

Нащупав и коснувшись руки Ин Шисань, а затем, следуя за повязкой на этой руке, коснулась доски на лопатке, выражение лица Лин Цинъюй было бессознательно пьяным, а Ин Шисань взяла ее за руку и сказала: "Действительно, все в порядке, но кость треснула, и гениальный доктор уже позаботился об этом. Мы приехали сюда в спешке, а она приедет позже".

"Фэй?"

"Травмы Е Фэя более серьезные, но угрозы жизни нет. Я оставил его в Дайсяне, не волнуйся".

Лин Цинъюй сделал долгий вдох, а затем почувствовал аромат, бессознательно принюхиваясь.

Они готовят обед, зная, что после этого на нем не будет ни травинки, и они готовы идти в гору после последней трапезы.

Линь Цинъюй не ела всерьез уже более десяти дней, и, почувствовав запах, не выдержала. Ин Тринадцатая просто сняла с руки пращу и села у костра, обхватив себя руками, подложив под тело несколько больших плащей. Благодаря горящему огню, а затем резвящимся детям, Линь Цинъюй наконец успокоился.

<http://tl.rulate.ru/book/15727/2567582>